Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 330.3:331.5 EDN: XTLKML

Трансформация взаимодействия экономических циклов и рынка труда: общемировые тренды и институциональные особенности транзитивных экономик Казахстана, Узбекистана и Болгарии

Н.В. Крицкая

В статье исследуется трансформация механизмов взаимодействия экономических циклов и рынка труда под влиянием промышленной революции 4.0, геополитической фрагментации и структурных сдвигов, анализируется эволюция глобальных трендов, таких как процессы решоринга и френдшоринга, структурные изменения в цифровом офшоринге, а также проявления «новой монопсонии». Особое внимание уделено компаративному анализу транзитивных экономик, для которых выявлена общая закономерность: высокая эластичность реальной заработной платы при относительной жесткости занятости и значительном объеме неформального сектора. На примере Казахстана, Узбекистана и Болгарии раскрыты разносторонние институциональные модели антициклической адаптации, доказывается, что в современных условиях классические кейнсианские меры стимулирования совокупного спроса теряют эффективность, уступая место необходимости преодоления структурных диспропорций.
Ключевые слова: экономические циклы, рынок труда, транзитивная экономика, цифровой офшоринг, новая монопсония, решоринг.

This article explores the transformation of the interactions between economic cycles and the labor market under the influence of Industrial Revolution 4.0, geopolitical fragmentation, and structural shifts. It analyzes the evolution of global trends such as reshoring and friendshoring, structural changes in digital offshoring, and manifestations of the “new monopsony”. Particular attention is paid to a comparative analysis of transition economies, which have identified a common pattern: high elasticity of real wages alongside relative employment rigidity and a significant informal sector. Using the examples of Kazakhstan, Uzbekistan, and Bulgaria, the article reveals diverse institutional models of countercyclical adjustment, demonstrating that, in today's environment, classical Keynesian measures to stimulate aggregate demand are losing their effectiveness, giving way to the need to overcome structural imbalances.
Keywords: economic cycles, labor market, transition economy, offshoring, new monopsony, reshoring.

Введение. В последние десятилетия в мировой экономике происходят беспрецедентные наложения технологических, эпидемиологических и геополитических шоков. И в этой связи ключевыми индикаторами смены фаз экономических циклов становятся не только макроэкономические агрегаты, но и рассмотренные автором ранее когнитивные ограничения экономических агентов, информационные потоки [1], а также скорость технологического замещения рутинных операций, реконфигурация глобальных цепочек стоимости (ГЦС). В условиях промышленной революции 4.0 рынок труда необратимо трансформируется из системы линейного распределения ресурсов в сложную адаптивную сеть. Автоматизация активно вытесняет рутинные профессии, расширяет границы производственных возможностей, создавая принципиально новые рабочие места [2, с. 178]. При этом наблюдается экспоненциальный рост спроса на цифровые компетенции, а дефицит квалифицированных кадров становится ограничителем антициклической политики во многих странах мира. Возникающая разнополярность трендов на рынке труда в транзитивных и развитых экономиках формирует разный тип взаимодействия с экономическими циклами. Целью данного исследования является выявление современных общих глобальных трендов этого взаимодействия, а также их частного проявления в транзитивных экономиках Казахстана, Узбекистана и Болгарии.

Особенности секторальных и технологических сдвигов: аграрный сектор, ГЦС и цифровой офшоринг. Глобальная экономика в 2016–2026 гг. демонстрирует умеренный рост около 3 % при значительной неоднородности по регионам. В странах с низкими и средними доходами населения рост ВВП происходит более высокими темпами от 5 % и выше с одновременным увеличением занятости населения, тогда как развитые страны прибавляют менее 2 % в год [3, с. 19]. В то же время нарастает социальное неравенство, сохраняется большая доля неформальной занятости, а демографические и миграционные факторы всё сильнее влияют на рынки труда. Значительная часть рабочих мест создаётся в сфере услуг, и доля такой занятости в мире

превысила 50 %. Одновременно доля занятых в сельском хозяйстве стремительно снижается. Согласно статистическим данным Международной организации труда (МОТ), глобальный уровень занятого населения в сельском хозяйстве за период с 2000 г. снизился на 13,1 %, в промышленности – на 2,5 %, а в сфере услуг вырос на 11,4 % и составил 50,3 % [4]. Данный процесс отражает структурную трансформацию рынка труда, когда глобальная экономика переориентируется в сторону знаний и услуг, в то время как индустриальные и аграрные профессии сокращаются.

Аграрный сектор традиционно считается менее чувствительным к внешним макроэкономическим шокам ввиду неэластичности спроса на продовольствие, но он подвержен ценовым колебаниям на глобальных сырьевых рынках. Влияние экономических циклов смягчается за счёт технического прогресса и структурных изменений, в том числе таких, как рост доли услуг и технологических отраслей. Проникновение технологий, таких как системы точного земледелия и агродроны, делает возрастающую безработицу в сельском хозяйстве структурной, являясь невозвратным трендом и не зависящим от фазы экономического подъема. В период общего экономического кризиса сектор АПК часто выполняет роль «буфера занятости», особенно в развивающихся и транзитивных экономиках, и с началом экономического роста сталкивается с жесткой конкуренцией за трудовые ресурсы со стороны промышленности и сферы услуг. Современный глобальный аграрный рынок труда находится под влиянием структурных трендов, которые часто перекрывают чисто циклические колебания. Во-первых, в развитых странах происходит вымывание профессий средней квалификации, таких как механизатор или агроном, и резкий рост спроса на высококвалифицированные кадры, такие как операторы дронов, агроинформатики, специалисты по точному земледелию, биоинженеры. Во-вторых, базовый ручной труд в АПК, особенно в растениеводстве, выполняется сезонными мигрантами [5, с. 2], что делает аграрный рынок труда крайне уязвимым к логистическим и геополитическим шокам. Необходимо отметить, что урбанизация приводит к постоянному кадровому голоду в отрасли, независимо от того, находится ли экономика в фазе спада или подъема.

В период после кризиса пандемии COVID-19 и в условиях нарастающей геополитической фрагментации мировая экономика перешла от парадигмы «эффективности затрат» («точно-в-срок») к парадигме «устойчивости и безопасности» («Just-in-Case»), что породило два значимых направления: 1) решоринг или релокализация, т. е. возврат производств в страну происхождения; 2) френдшоринг, означающий перенос цепочек поставок в страны с дружественными политическими режимами.

Касательно экономических циклов решоринг и френдшоринг выступают как антициклические инструменты в долгосрочной перспективе, так как они сокращают плечо поставок в ГЦС и минимизируют риски «импортируемой рецессии». Однако в краткосрочном периоде процесс переноса мощностей создает структурные изменения на рынке труда, требуя резкого перераспределения ресурсов, а также развития автоматизации производственных процессов, чтобы компенсировать высокую стоимость или ограниченность локальной рабочей силы, в связи с чем меняется структура спроса на труд, формируя поляризацию.

Несмотря на кажущуюся пользу для национальной безопасности, данные процессы имеют серьезные экономические издержки. Эксперты ОЭСР (К. Арриола и др.), проведя анализ в 2020 г., пришли к выводу, что «… релокализация глобальных цепочек создания стоимости приведет к тому, что экономика большинства стран станет как менее эффективной, так и менее стабильной» [6, с. 2]. Эксперты подчеркнули, что фрагментация торговли ведет к росту себестоимости продукции, что для рынка труда означает риск снижения реальных заработных плат при номинальном росте занятости. Необходимо также учитывать, что решоринг ограничивается демографическими факторами, в том числе проблемой стареющего населения.

Цифровизация позволяет фрагментировать не только промышленное производство, но и сферу высококвалифицированных услуг. В таком случае локальный рынок труда сталкивается с «невидимой» конкуренцией, где цена труда за конкретную цифровую задачу определяется глобальным балансом спроса и предложения. Можно выделить следующие структурные изменения цифрового оффшоринга, которые делают его реакцию на макроэкономические шоки специфичной. Во-первых, он перестал быть просто делегированием рутинных задач сторонним вендорам. Компании массово создают собственные Глобальные центры компетенций (ГЦК) в низкозатратных регионах, таких как Индия, Восточная Европа (особенно Польша, Румыния) и Латинская Америка, которые становятся кластерами инноваций, и инвестиции в них менее чувствительны к краткосрочным рецессиям. Во-вторых, искусствен-

ный интеллект меняет бизнес-модель оффшоринга. В фазе экономического спада для снижения издержек компании базовые задачи, такие как написание простого кода или первая линия техподдержки, сегодня автоматизируются, а ранее массово передавались на аутсорсинг. Спрос на рынке труда в секторе информационных технологий смещается в сторону сложного инжиниринга и архитектуры облачных решений. В-третьих, происходят изменения в оплате труда. В условиях макроэкономической нестабильности в фазе кризиса заказчики отказываются от традиционной системы оплаты за отработанное время программистов в пользу контрактов, где оплата привязана к бизнес-результатам.

В отличие от традиционных макроэкономических подходов, которые долгое время опирались на допущение о совершенной конкуренции на рынке труда, современные исследования показывают, что большинство рынков труда являются высококонцентрированными, что в свою очередь порождает феномен «новой монопсонии», когда наниматель обладает властью диктовать условия оплаты труда ниже предельной производительности. Исследования, возглавляемые Х. Азаром, И. Маринеску и М. Стейнбаумом (2022), показали, что в условиях ограниченного числа нанимателей или из-за институциональных барьеров эластичность предложения труда для конкретной фирмы становится конечной. Согласно Азару и соавторам, рост концентрации рынка труда (индекс Херфиндаля-Хиршмана) для вакансий ведет к снижению предлагаемых зарплат на 5–17 % [7, с. 187]. Подтверждение данного исследования описано в работе экономистов Б. Бардочи и Г. Борнштейна «Монопсоническая власть и передача монетарной политики», в которой доказывают, что «…фирмы с долей рынка ниже 10 процентов реагируют на экономические шоки примерно на 46 процентов сильнее, чем фирмы выше этого порога, как с точки зрения фонда заработной платы, так и занятости» [8, с. 31]. Следовательно, компании с высокой монопсонической властью слабее реагируют на макроэкономические изменения и в результате создается «жесткость» зарплат при росте экономики и их замедленное снижение в фазе спада, и у работников сужаются альтернативные варианты занятости. Американские экономисты С. Наиду, Э. Познер и Г. Вейл в работе «Антимонопольные меры по управлению властью на рынке труда» [9, с. 546] утверждают, что в сложившейся ситуации рычаги власти должны возвращаться работнику. И тот факт, что зарплаты при этом не растут пропорционально дефициту кадров в некоторых секторах, указывает на наличие «институциональных ловушек», а не только рыночной власти.

В транзитивных экономиках существуют общие глобальные тенденции, такие как быстрый переход от аграрно-индустриального к сервисному укладу, также характеризуются спецификой институтов и уязвимостями, обладая такими особенностями, как высокая доля государственного сектора и зависимость от сырьевого экспорта. С конца 1990-х и начала 2000-х в этих странах произошло формирование рыночных институтов занятости с помощью усиления трудового законодательства, роста роли частного сектора и профсоюзов, внедрения практик социальной защиты. В настоящее время в странах с транзитивной экономикой взаимодействие экономических циклов и рынка труда проявляется более остро вследствие высокой зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, структурных диспропорций и ограниченности механизмов адаптации занятости. Существенное значение приобретают демографические риски, миграционные процессы, несоответствие профессионально-квалификационной структуры рабочей силы требованиям экономики, а также неравномерность цифровой трансформации отраслей.

Общей закономерностью транзитивных экономик является высокая эластичность реальной заработной платы при относительной жесткости занятости как особый тип реакции рынка труда на циклические колебания, которая отличается от развитых стран, где рецессия ведет к резкому росту безработицы. Такая институциональная инерция, выраженная в сохранении налоговых льгот, субсидий и прочее для крупных работодателей, позволяет им удерживать избыточную рабочую силу в фазе экономического спада. Еще одним ключевым элементом взаимодействия циклов и рынка труда является неформальный сектор. В периоды кризиса значительная часть трудовых ресурсов перемещается в неформальную экономику, что создает иллюзию стабильности официальных статистических показателей. «Проявлением неравновесия на рынке труда, вызванным институциональными факторами, является теневая (скрытая) безработица. В период трансформации плановой экономики в рыночную такая форма безработицы распространяется особенно широко» [10, с. 127]. Необходимо выделить возникающий эффект «запаздывающей» трансформации, когда циклические кризисы в

этих странах часто сопровождаются структурной перестройкой, и устаревающие отрасли, такие как тяжелая промышленность, регрессируют и деградируют, а новые, например, сервисная экономика и ИКТ, не успевают привлечь высвобождаемые ресурсы.

Автором проведен сравнительный анализ по Казахстану, Узбекистану и Болгарии с целью выявления различных вариантов взаимодействия цикличности экономики и рынка труда в странах с транзитивными экономиками.

Экономический цикл Казахстана жестко детерминирован конъюнктурой мировых сырьевых рынков, и взаимодействие носит выраженный экзогенный характер. Благодаря Национальному фонду республики Казахстан, государственные институты в фазе циклического спада (например, 2014–2016 гг., 2020 г.) осуществляют масштабные вливания в программы занятости населения. Начиная с 2017 г. была внедрена Дорожная карта занятости, включающая в себя программу «Енбек», как часть цифровой экосистемы занятости Электронной биржи труда. В том числе внедрен специализированный сервис для управления процессами внутренней миграции, переселения и помощи этническим казахам (кандасам). Таким образом, государством применен своеобразный механизм «сглаживания» влияния фазы кризиса пандемии 2019–2020 гг., который купировал социальные риски, превращая рынок труда из механизма взаимодействия спроса и предложения в объект социальной политики. И в результате уровень безработицы снизился с 5 % в 2016 г. до 4,7 % в 2024 г. Однако особенностью Казахстана является огромный сектор «самостоятельно занятых работников», более 2 млн человек или 23 % занятого населения [11]. В фазе экономического роста их число сокращается медленно, а в фазе спада – резко возрастает, выступая социальным демпфером. Также циклические колебания поразному воздействуют на западные, специализирующиеся на добычи нефти, и южные аграрные регионы, что требует дифференцированного государственного регулирования.

В Узбекистане ежегодно на рынок труда выходит 500–600 тыс. молодых людей, что создает ситуацию «вечного избыточного предложения», при которой даже в фазе экономического роста безработица остается значимой. Рынок труда Узбекистана в том числе тесно связан с экономикой России и Казахстана, и если эти страны находятся в фазе спада, то происходит массовый возврат мигрантов из Узбекистана, что накладывает «вторичный» шок на внутренний рынок труда.

Современный период развития Узбекистана характеризуется активными реформами вывода занятости из тени. Либерализация налоговой системы изменила реакцию на циклические колебания, и работодатели стали чувствительнее к стоимости труда, и при спаде в экономике проводится оптимизация штата, закрываются нерентабельные направления или автоматизируются процессы. Так уровень безработицы в 2017 г. составлял 5,8 %, а в период кризиса 2019–2022 гг. колебался от 8,9 % до 10,5 % [12]. В фазе роста экономики безработица снизилась с 6,8 % в 2023 г., до 4,8 % на конец 2025 г. Однако уровень безработицы среди молодежи (в возрасте 15–24 лет), по оценкам МОТ, остается стабильно высоким, около 11 % [13, с. 4].

Также нами проанализировано взаимодействие экономических циклов и рынка труда в Болгарии. После вступления в Европейский союз экономический цикл Болгарии синхронизировался с еврозоной, однако рынок труда отреагировал на это путем значительной эмиграции, или «утечкой мозгов». Максимальная эмиграция населения пришлась на период начала 1990-х гг., когда происходил переход от плановой к рыночной экономике, и за 5 лет с 1989 по 1993 гг. чистая миграция составила 471 тыс. человек или 5,2 % населения страны относительно 1988 г. Крупнейшим экономическим кризисом в истории Болгарии считается банковский и валютный кризис 1996–1997 гг., сопровождавшийся крахом банковской системы и массовыми протестами, который характеризовался резким падением ВВП и гиперинфляцией. В последующий период выхода из кризиса в 2001 г. была зафиксирована максимальная безработица на уровне 19,92 % и увеличение эмиграции до 30726 человек за год. Глобальный финансовый кризис 2007–2008 гг., совпавший со вступлением Болгарии в Европейский союз, также привел к росту безработицы с 5,6 % до 12,9 %, а за последующий период с 2008 до 2013 гг. рост эмиграции составил от 17 до 26 тыс. человек. Наступившая фаза роста экономики в 2019 г. сократила безработицу до 4,1 % и «утечку умов» до 2 тыс. человек. Кризис пандемии 2020 г. незначительно повлиял на уровень безработицы, который вырос до 5,1 %. Следует от-

метить, что начиная с 2020 г. сформировалась положительная тенденция чистой миграции, и количество иммигрантов за 5 лет составило 74 тыс. человек. В 2026 г. в период фазы экономического роста зафиксировано минимальное количество безработных с уровнем 3,2 % [14].

Из-за массовой эмиграции и депопуляции Болгария столкнулась с уникальной ситуацией, когда в фазе экономического подъема рост ВВП сдерживается отсутствием предложения труда, что ведет к необоснованно резкому росту зарплат, отвязанному от реальной производительности. Возник структурный диссонанс, выраженный высоким уровнем долгосрочной безработицы среди лиц с низкой квалификацией и острой нехваткой инженеров и IT-специалистов, что делает антициклическое регулирование путем классических кейнсианских мер стимулирования спроса малоэффективными.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Глобальный рынок труда перестал линейно реагировать на макроэкономические циклы. Традиционные циклические колебания нивелируются или искажаются структурными шоками, в том числе цифровым офшорингом, перестройкой ГЦС с акцентом на решоринг и френдшоринг, а также эффектом «новой монопсонии», который формирует жесткость заработных плат. Сокращение занятости в традиционных отраслях, особенно в АПК, носит невозвратный структурный характер и не компенсируется в фазах экономического подъема. Параллельно формируется дефицит высококвалифицированных работников, который ограничивает потенциал посткризисного восстановления экономик.

2. В отличие от развитых стран, рынки труда транзитивных стран реагируют на рецессию высокой эластичностью реальных заработных плат при сохранении жесткости занятости. Субсидирование предприятий и масштабный неформальный сектор выступают демпферами, однако приводит к эффекту «запаздывающей трансформации».

3. Анализ транзитивных экономик подтвердил неэффективность применения универсальных макроэкономических шаблонов. В Казахстане циклические шоки сглаживаются за счет государственных интервенций и самозанятости, в Узбекистане – через экспорт труда и формализацию институтов, а в Болгарии столкнулись с «утечкой умов» и экономический рост сдерживается физическим отсутствием человеческого капитала.

Таким образом, в странах с транзитивной экономикой вектор государственной антициклической политики должен быть смещен с традиционного управления совокупным спросом на ликвидацию «институциональных ловушек», снижение доли теневого сектора, ограничение монопсонической власти крупных работодателей и адаптацию квалификационной структуры к требованиям новых технологических укладов.

Литература

1. Зенькова, Л. П. Макрофакторы социальной среды : влияние на экономические циклы в Беларуси / Л. П. Зенькова, Н. В. Крицкая // Белорусский экономический журнал. – 2025. – №3. – С. 83–96.

2. Крицкая, Н. В. Поляризация рынка труда в условиях экономических циклов : теоретическая модель и особенности Беларуси / Н. В. Крицкая // Экономическая наука : современное состояние и перспективы : матер. Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию Института экономики НАН Беларуси / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси ; редкол.: Д. В. Муха (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2026. – С. 177–179.

3. World employment and social outlook : Trends 2024. – URL : https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40inst/documents/publication/wcms_908142.pdf (date of access: 01.03.2026).

4. The statistics branch of the ILO department of research and statistics. – URL : https://ilostat.ilo.org/data/ (date of access : 01.03.2026)

5. Международная организация труда (МОТ). Ценность основных видов труда. Перспективы занятости и социальной защиты в мире 2023. – URL : https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40europe/%40ro-geneva/%40sro-moscow/documents/publication/wcms_871736.pdf (дата обращения : 01.03.2026).

6. Arriola, C. Efficiency and risks in global value chains in the context of COVID-19 / C. Arriola [et al.] // OECD. – 2020. – № 1637. – URL : https://doi.org/10.1787/3e4b7ecf-en (date of access: 01.03.2026)

7. Azar, J. Labor market concentration / J. Azar, I. Marinescu, M. Steinbaum // Journal of Human Resources. – 2022. – № 57. – P. 167–S199.

8. Bardóczy, B. Monopsony power and the transmission of monetary policy / B. Bardóczy, G. Bornstein, S. Salgado // NBER Working Paper. – 2026. – № 35335. – URL : https://doi.org/10.3386/w35335 (date of access: 01.03.2026).

9. Naidu, S. Antitrust remedies for labor market power / S. Naidu, E. A. Posner, E. G. Weyl // Harvard Law Review. – 2018. – Vol. 132, is. 2. – URL : https://harvardlawreview.org/print/vol-132/antitrust-remedies-for-labor-market-power/ (date of access: 01.03.2026).

10. Трансформационные экономики : кратко- и средне-срочные экономические циклы : монография / Л. П. Зенькова. – Минск : Мисанта, 2015. – 236 с.

11. Информационно-аналитическая система Бюро Национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. – URL : https://taldau.stat.gov.kz/ru/NewIndex/GetIndex/702944?keyword= (дата обращения: 01.03.2026).

12. Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. – URL : https://siat.stat.uz/reports-filed/1875/table-data (дата обращения: 01.03.2026).

13. Republic of Uzbekistan 2025 : Article IV consultation-press release; and staff report. – URL : https://www.imf.org/-/media/files/publications/cr/2025/english/1uzbea2025001-print-pdf.pdf (date of access: 01.03.2026).

14. World Bank. – URL : https://data.worldbank.org/country/bulgaria (date of access: 01.03.2026).

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 02.03.2026